

Первая послевоенная реформа

(к 65-летию денежной реформы 1947 г.)

Юрий ГРУЗИЦКИЙ



Доцент БГЭУ
кандидат исторических наук

Шесть с половиной десятилетий прошло со времени проведения второй в истории советского государства денежной реформы, целью которой было оздоровление денежного обращения, а также изъятие криминальных накоплений у лиц, нажившихся в период войны на спекуляции и иными незаконными путями. Если о советском “червонце” периода нэпа, рожденном реформой наркома финансов Г. Сокольниковой 1922—1924 гг., написано достаточно много, то о реформе 1947 г. из-за недоступности архивных материалов по причине их секретности известно далеко не все. Однако в последнее время появилось немало новых документальных свидетельств этого события. На проходившей в декабре 2012 г. в БГЭУ

выставке “Денежная реформа 1947 г.” были представлены некоторые неизвестные ранее документы. Поэтому послевоенная реформа денежного обращения заслуживает внимания, так как ее итоги, уроки и сегодня не утратили своего значения и актуальности.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. была суровым испытанием не только для людей, но и для экономики, финансово-кредитной системы государства. Резко возросли расходы на армию и развертывание военной промышленности. Значительными были потери, вызванные разрушениями и утратой материальных ценностей. При общей стоимости понесенного материального ущерба всеми воевавшими странами на сумму свыше 316 млрд. долл. США более 40% составляли потери СССР [1, с. 148].

Милитаризация экономики, наращивание военно-промышленного потенциала требовали огромных расходов, в значительной степени профинансированных из госбюджета. Это привело к дефициту бюджета, который в 1941 г. составлял 1,4 млрд. руб., в 1942 г. — 1,8, а в 1943 г. — 0,6 млрд. руб. Прямые военные расходы достигали 55% национального дохода при существенном сокращении производства товаров народного потребления и розничного товарооборота [2, с. 238].

При этом дефицит госбюджета покрывался преимущественно денежной эмиссией. Денежная масса увеличилась за годы войны с 18,4 млрд. руб. на июнь 1941 г. до 73,9 млрд. руб. на 1 января 1946 г., то есть в четыре раза, и существенно превысила потребности народного хозяйства, а объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли

сократился на две трети [3, с. 11]. В итоге снизилось товарное покрытие рубля, усилились инфляционные процессы.

На состоянии денежного обращения негативно отразилась и множественность цен, сложившаяся в годы войны. Кроме стабильных (пайковых) цен карточной системы существовали и более высокие государственные коммерческие, а также цены свободного рынка. Так как объемы государственной и кооперативной торговли сокращались, росли рыночные цены, в некоторые периоды превышавшие довоенные в 10—15 раз. Разрыв цен в разных секторах торговли — государственным, кооперативном и рыночном использовался дельцами (“спекулятивными элементами”), сумевшими создать немалые денежные накопления. Расширение круга таких лиц еще более нарушало равновесие между денежной и товарной массой.

Для восстановления народного хозяйства следовало ликвидировать последствия войны в сфере торговли и денежного обращения. Карточная система распределения и высокие рыночные цены снижали мотивацию труда, отрицательно воздействовали на хозрасчет. Дефицит государственных товарных ресурсов вызывал рост рыночных цен и концентрацию наличных денег у спекулятивных элементов, снижал покупательную способность рубля.

Для решения этих проблем требовалось изъятие избыточной денежной массы из обращения, накопление в руках государства достаточных товарных ресурсов, чтобы отказаться от сложившейся в годы войны чрезвычайной системы распределения, а также наполнение бюджета.

Как свидетельствуют опубликованные в последнее время доку-

менты, проблема оздоровления денежного хозяйства была поставлена на повестку дня еще в период Великой Отечественной войны. В феврале 1943 г. в составе Народного комиссариата финансов СССР была сформирована Группа денежного обращения, которую возглавил известный советский финансист профессор В.П. Дьяченко. В ноябре этого же года Группа подготовила проект возможной денежной реформы [3, с. 35; 38—57].

Непосредственная подготовка денежной реформы, как известно из мемуаров народного комиссара финансов СССР А.Г. Зверева, началась на исходе 1943 г. К этому времени завершились две исторические переломные битвы Второй мировой войны — Сталинградская и Курская, и появилась реальная надежда на скорый переход к мирной жизни. В конце 1943 г. главе финансового ведомства позвонил Председатель Совета Народных Комиссаров И.В. Сталин и спросил, что он думает насчет послевоенной денежной реформы. Состоялся 40-минутный разговор об общем содержании предстоящей реформы. “Примерно через год я доложил подробный план мероприятий на заседании Политбюро ВКП(б), — вспоминал А.Г. Зверев. — Еще через год я отправил Сталину предложения о будущей реформе” [4, с. 233].

Среди ведущих финансистов страны выявились разные подходы к реализации этого ответственного и сложного мероприятия. Были возможны два варианта оздоровления денежного обращения. Один предполагал путем расширения коммерческой торговли вытянуть излишнюю денежную массу с последующим переходом к государственной торговле по единым ценам. Другой — радикальное и быстрое реформирование денежной системы.

Первый вариант представлял фактическую либерализацию цен, устанавливающую равновесие денежной и товарной массы. Но в годы войны цены достигли потолка, их дальнейшее повышение было нереальным и идеологически проигрышным для страны “победившего социализма”. Поэтому было решено проводить санирование системы обращения путем денежной реформы как радикального метода финансовой стабилизации.

1 декабря 1944 г. “начальник” Группы денежного обращения В.П. Дьяченко представил А.Г. Звереву записку, в которой были определены основные задачи реформы:

“а) преодоление избыточной денежной массы и ее отрицательного влияния на хозяйственный оборот, — достижение и закрепление соответствия между количеством денег в обращении и потребностями хозяйственного оборота в деньгах;

б) реорганизация денежной системы, — приведение ее в соответствие с нынешними условиями и обстановкой, резко отличающимися от условий и обстановки первого периода нэпа, в которых проводилась денежная реформа 1922—1924 гг.;

в) понижение масштаба цен, — повышение покупательской силы рубля и максимальное сближение покупательской силы рубля внутри страны с внешними валютными курсами” [3, с. 90].

Как видно, основной целью предстоящей реформы было изъятие из обращения избыточного количества денег. Однако сам механизм проведения будущей реформы пока не предлагался.

Характерно, что готовившаяся реформа не предусматривала радикального преобразования денежной системы. Ее задача заключалась в оздоровлении существовавшего денежного хозяйства. В первую очередь она была направлена на сокращение массы денег в обращении и объективно должна была иметь конфискационный характер.

Вскоре Группой В.П. Дьяченко был подготовлен первый вариант проекта денежной реформы в виде докладной записки от 19 декабря 1944 г., в которой отмечалось, что значительные суммы денег (по оценке авторов, примерно половина наличной денежной массы) сосредоточены у небольшой части населения. Образование этих накоплений связано с доходами спекулятивного, подчас нелегального характера. Метод проведения денежной реформы определяла поставленная руководством страны задача переложения неизбежных потерь населения при обмене денег в ходе реформы в наибольшей мере на держателей капиталов, названных нечестным, спекулятивным путем.

В конце 1944 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) были доложены некоторые конкретные предложения по оздоровлению денежного обращения. Одним из самых дискуссионных вопросов в ходе выработки концепции реформы был курс обмена наличных денег. Изложенный Зверевым план предполагал, исходя из соотношения рыночных цен и цен нормированного снабжения, обмен новых платежных средств на старые в соотношении 1:15 [3, с. 11]. Таким радикальным подходом планировалось не только санировать денежное хозяйство, но и существенно подорвать позиции владельцев криминальных капиталов.

После одобрения проекта денежной реформы руководством страны Группа по денежному обращению продолжила его доработку. Методология расчета обменного курса базировалась на соотношении пайковых и коммерческих цен на товары массового спроса с учетом повышения пайковых цен и понижения коммерческих. Теперь предлагался порядок обмена 1:10. Авторы проекта выступали против более низкого курса, который, по их расчетам, давал возможность существенно обогатиться кругу лиц, накопивших денежные суммы в результате спекуляции. При этом В.П. Дьяченко считал, что высокий обменный курс затронет всех, включая и тех, кто имел небольшие денежные сбережения [5, с. 187].

Авторы альтернативных проектов денежной реформы, которые рассматривались в ходе ее подготовки, настаивали на установлении более низкого обменного курса. В ноябре 1945 г. на имя А.Г. Зверева было направлено письмо, подготовленное профессором Финансово-экономического института А.Г. Гойхбаргом, в котором обосновывался обменный курс 1:4,2. В мае 1946 г. председатель Правления Госбанка СССР Я.И. Голев, исходя из расчетов, по которым для “нормального” хозяйственного оборота необходимая наличная денежная масса исчислялась в размере 25—30 млрд руб., предложил установить курс 1:2 [3, с. 157; 5, с. 187].

Однако предложения относительно обмена денег в соотношении 1:2, 1:3 или 1:4,2, включая также курс 1:5, не получили одоб-

рения. В документе с грифом “секретно” под названием “Обменный курс” отмечалось, что “метод осуществления денежной реформы основан на обмене старых денег на новую валюту по высокому курсу” для того, чтобы существенно сократить денежную массу и не допустить обогащения “дельцов черного рынка”. Недостаточно высокая норма обмена новых денег на старые, — подчеркивалось в документе, — могла бы привести к “обогащению немногочисленного круга людей, накопивших большие денежные суммы в результате рыночных операций”. При этом предлагалось при установлении обменного курса ориентироваться на соотношение нормированных цен и цен коммерческой торговли (“Особторга”), которое составляло примерно 1:10. “Повышенный обменный курс, — отмечали авторы документа, — обеспечит государству крупный эмиссионный резерв, который может быть использован для погашения долга государственного бюджета Госбанку и для расширения операций по финансированию и кредитованию народного хозяйства”. Очевидно, что сторонники высокого обменного курса в качестве задачи предстоящей реформы определяли и погашение государственного долга.

В итоге предложения установить более низкий обменный курс были отвергнуты. Как отмечалось в докладе специалистов Минфина СССР, “по указанию Политбюро и лично товарища Сталина соотношение обмена было определено 1:10” [5, с. 187]. Подобная позиция была связана как с борьбой с “черным” рынком, так и с усилением контроля за движением наличной массы новых денег.

По свидетельству наркома финансов СССР А.Г. Зверева, изначально реформу планировали на 1946 г. Но тогда из-за голода в ряде регионов страны, вызванного неурожаем и засухой, посчитали ее преждевременной.

Особенностью советской послевоенной реформы являлось то, что она проводилась с предварительной реформой цен и одновременно с отменой карточной системы, так как для санации системы обращения необходимо было вернуться к более или менее нормальному товарообороту.

Карточная система и связанная с ней множественность цен на продукты массового спроса сыграли свою роль в годы войны и период первоначального восстановления страны. Однако такая система распределения продуктов вела к утечке на свободный (“черный”) рынок части товаров, которые отпускались по низким государственным (пайковым) ценам. Население, получая по карточкам минимальное количество продуктов питания и промышленных товаров, вынуждено было обращаться к рынку, где рост цен отражал падение покупательной способности рубля. Индекс цен свободного рынка в 1943 г. по сравнению с 1940 г. составил 1015, в 1944 г. — 823 и в 1945 г. — 466 [6]. Это подрывало позиции советского рубля, создавало неустойчивость реальной заработной платы.

В мае 1946 г. была создана комиссия по отмене карточной системы под председательством А.И. Микояна, в которую вошли также Н.А. Вознесенский, А.Г. Зверев, А.Н. Косыгин, А.В. Любимов и Н.С. Хрущев [7, с. 171]. Камнем преткновения оказалась ценовая проблема. Сохранение розничных цен на уровне пайковых при отмене карточной системы привело бы к росту и без того неудовлетворенного потребительского спроса. Установить розничные цены выше пайковых значило сделать товары недоступными для низкооплачиваемых категорий работников, пенсионеров, студентов, матерей-одиночек и т. д.

С другой стороны, повышение заработной платы и государственных пособий означало бы дальнейшее разбухание денежной массы. Стало ясно, что отменить карточную систему нельзя без реформы, призванной сжать денежную массу. 29 августа 1946 г. газета “Правда” сообщала: “В связи с засухой в ряде областей СССР и сокращением государственных запасов продовольствия Президиум Верховного Совета СССР постановил удовлетворить ходатайство Совета Министров СССР о перенесении отмены карточной системы с 1946 г. на 1947 г.”. Однако причиной была не только засуха, но и необходимость изъятия из обращения избыточного количества денег.

Реформе предшествовал переход к торговле по единым ценам. С

этой целью в сентябре 1946 г. были сближены цены на товары, реализуемые по карточкам (пайковые цены) и через коммерческую торговлю, путем повышения первых и снижения вторых. Так, коммерческие цены на мясо были уменьшены почти в два раза, на сахар — в три раза, на масло сливочное — на 34%, на рыбные продукты — на 64% и на непродовольственные товары — в среднем на 37% [8, с. 205]. Цель такого мероприятия заключалась в том, чтобы при отмене карточной системы постепенно ликвидировать коммерческие цены и объявить новые пайковые цены едиными государственными.

Повышение пайковых цен сопровождалось некоторым увеличением пенсий, стипендий и заработной платы рабочих и служащих. Но повышение зарплаты проводилось лишь рабочим и служащим с заработком до 900 руб. Вместе с этим был повышен минимум, который не облагался налогом: 260 руб. против 150 руб. до 16 сентября 1946 г. [8, с. 205, 206].

Параллельно сокращался контингент граждан, охваченных карточной системой распределения товаров, в первую очередь, хлеба. Численность снабжаемого населения в сельской местности была уменьшена с 27 до 4 млн. В городах и рабочих поселках было снято с пайкового обеспечения 3,5 млн. неработающих взрослых. В итоге расход хлеба на пайковому снабжению сократился на 30% [9, с. 83]. В конечном счете это вело к снижению спроса, его приближению к предложению.

Кроме того, перед реформой в течение двух лет проводились мероприятия по извлечению избыточной денежной массы из обращения. Для этого в крупных городах создавалась сеть магазинов “Особторг”, где предлагался остродефицитный товар по ценам, приближенным к рыночным. Полученная от предприятий “Особторга” прибыль позволила в 1946 г. изъять из обращения 8 млрд. руб., а в 1947 г. — еще 2,4 млрд. руб. [3, с. 15]. Предложения по изъятию излишней денежной массы путем высоких цен в определенной степени получили реализацию.

Подготовка реформы требовала также осуществления ряда технических мероприятий. Так, худож-

ники получили задание разработать дизайн банкнот нового образца. Как утверждают некоторые источники, представляемые на рассмотрение в Совет Народных Комиссаров СССР образцы не находили одобрения руководства страны. Когда казалось, что вопрос зашел в тупик, Председатель СНК И.В. Сталин будто бы задал вопрос: "...а чем плохи были банкноты царского правительства?..." [10]. Так, как предполагается, был определен внешний вид новых денежных знаков. В марте 1946 г. было принято постановление СНК СССР "Об утверждении денежных знаков нового образца" [3, с. 177, 178].

В 1946 г. фабрики Гознака приступили к изготовлению банковских и казначейских билетов нового образца с существенными изменениями в технологию и организацию производства [3, с. 351]. Требовалась специальная бумага и обеспечение достаточной степени защиты денежных знаков от подделки. Банковские билеты изменяли свое наименование. Вместо червонцев должны были вводиться билеты Госбанка достоинством в 10, 25, 50 и 100 руб. с изображением В.И. Ленина, в том числе и на водяных знаках. Наименование "червонец" на банковских билетах уступало место слову "рубль". В обращении поступали и казначейские купюры достоинством в 1, 3 и 5 руб. Предложение о введении банковских билетов номиналом в 250 и 500 руб. не получило одобрения правительства. Двойная форма эмиссии денежных знаков — казначейских и банковских — сохранилась. Банкноты образца 1947 г. своим внешним видом напоминали кредитные билеты Российской Империи. Из-за большого размера их называли "сталинские портянки".

Документы свидетельствуют, что к середине 1947 г. изготовление новых денежных знаков было в основном завершено. В отчете А.Г. Зверева и Я.И. Голева, адресованного заместителю председателя Совета Министров СССР В.М. Молотову, отмечалось, что по состоянию на 16 июля 1947 г. Гознак передал Государственному банку СССР 16,376 млн. руб. денежных билетов нового образца, хранилища которого почти загружены. Поэтому "возникает необхо-

димость развозки новых денежных билетов в хранилища республиканских, краевых и областных контор Госбанка". Вскоре началась доставка новых платежных средств в региональные конторы центрального банка советского государства. Всего же к декабрю 1947 г. Гознаком было изготовлено 44,1 млрд. руб., что полностью обеспечивало потребности денежного хозяйства [3, с. 351].

Окончательно механизм денежной реформы был определен на заседании политбюро ЦК ВКП(б) 13 декабря 1947 г., на котором получил утверждение проект постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) "О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары". Текст постановления предписывалось передать 14 декабря в 6 часов вечера по московскому времени по радио, а 15 декабря опубликовать в центральной и местной печати [3, с. 328].

С выходом этого решения правительства и партийного руководства началась денежная реформа, которая определяла:

- с 16 декабря в обращение выпускаются новые деньги в рублях 1947 г.;
- вся денежная наличность, находящаяся у населения, государственных, кооперативных и общественных предприятий, организаций и учреждений, а также колхозов, подлежит обмену за исключением разменной монеты. Разменная монета обмену не подлежит и остается в обращении по номиналу;
- обмен денег на всей территории СССР следует произвести в течение недели с 16 декабря до 22 декабря включительно, а в отдаленных районах — в течение двух недель (с 16 декабря по 29 декабря включительно) по списку, утвержденному Советом Министров СССР [11, с. 464].

Сроки проведения реформы были крайне ограниченными. Предполагалось фактически в течение недели учреждениям Госбанка выполнить огромный объем работы: открытие обменных пунктов, мобилизацию денег в кассы банка и др.

Наиболее важным элементом реформы был порядок обмена де-

нег. Наличные деньги обменивались на новые денежные единицы в соотношении 10 руб. старого образца на 1 руб. деньгами образца 1947 г. Деньги старого образца, не предъявленные к обмену в установленный срок, аннулировались и теряли свою платежную силу.

Чтобы исключить различные махинации, к наличным деньгам были приравнены суммы по внутренним переводам, аккредитивам, депонентским счетам, поступившим в государственные учреждения до выпуска денег нового образца. По такому же курсу подлежали пересчету все суммы заработной платы, гонораров, пенсий, причитавшихся за дореформенный период.

Что касается разменной монеты, то ее решили оставить в обращении по номиналу потому, что она населением не накапливалась, а выпуск новой монеты потребовал бы больших затрат.

Переоценка денежных вкладов и текущих счетов в сберегательных кассах и государственном банке СССР проводилась на следующих основаниях:

"а) вклады размером до 3 тыс. руб. включительно остаются без изменения в номинальной сумме, то есть переоцениваются рубль за рубль;

б) по вкладам размером до 10 тыс. руб. включительно во вклад зачисляются: первые 3 тыс. без изменения номинальной суммы, а остальная часть вклада переоценивается: за 3 руб. старых денег — 2 руб. новых денег;

в) по вкладам размером свыше 10 тыс. руб. во вклад зачисляются: первые 10 тыс. в размерах, предусмотренных выше, в пункте "б", а остальная часть вклада переоценивается: за 2 руб. старых денег — 1 руб. новых денег" [11, с. 465].

Обмен вкладов, как видно, осуществлялся на льготной основе, хотя и дифференцированно. На рыночную ситуацию давила наличность, составлявшая тогда в структуре денежной массы порядка 85% и представлявшая наиболее ликвидный актив. Именно налично-денежный оборот и предстояло существенно сократить.

Вклады являли гораздо меньший инфляционный потенциал. В сберкассах находилась незначительная часть сбережений населе-

ния. Их льготный обмен давал огромный пропагандистский выигрыш, возможность заявить о защите интересов трудящихся. Это способствовало повышению авторитета важнейшего звена советской банковской системы — государственных сберегательных касс.

Что касается денежных средств, которые находились на расчетных и текущих счетах кооперативных предприятий и организаций, а также колхозов, то они переоценивались: за 5 руб. старых давали 4 руб. новых.

Одновременно с денежной реформой проводилась конверсия (замена) всех ранее выпущенных государственных займов (за исключением 1938 г.) в один двухпроцентный заем и свидетельств сберегательных касс по специальным вкладам. Облигации прежних займов обменивались на новый по соотношению 3:1, а свободно реализуемого займа 1938 г. — на трехпроцентный по соотношению 5:1.

Таким образом, облигации государственных займов и свидетельства сберегательных касс по специальным вкладам также обменивались на более выгодных условиях, чем наличные деньги. Но таким образом осуществлялось и серьезное сокращение государственного долга.

Обмен денег проводился на всей территории СССР с 16 по 22 декабря 1947 г., а в 205 отдаленных районах обмен закончен 29 декабря. В БССР обмен длился неделю — до 22 декабря. Здесь было открыто 1700 обменных пунктов, подготовлено более 7 тыс. кассиров и специалистов банков и почтовых отделений [12].

По отчету Госбанка, для обмена поступило старых денег 37,7 млрд. руб., в том числе 27,9 млрд. — через выплатные пункты от населения и почти 9,8 млрд. руб. — от торговой выручки и прочих поступлений. Не было предъявлено к обмену около 6 млрд. руб. [3, с. 351]. В итоге вместо находящегося в обороте к началу реформы 43,7 млрд. руб. сумма выпущенных в обращение новых денег на конец 1947 г. составила около 14,0 млрд. руб. Таким образом, наличная денежная масса уменьшилась более чем в 3 раза.

В БССР в Республиканскую контору Госбанка поступило свы-

ше 1 млрд. руб., в том числе через выплатные пункты — 737 млн. и более 263 млн. руб. — от торговой выручки и других поступлений [3, с. 347].

Внутрительным был и выигрыш от конверсии облигаций государственных займов, особенно 1938 г., которые обменивались по курсу, в 5 раз меньшему, на облигации трехпроцентного выигрышного займа 1947 г. В результате этого мероприятия платежи бюджета по процентам и выигрышам только в 1948 г. должны были сократиться на 5 млрд. руб. В фонде Минфина СССР сохранилась справка начальника Отдела кредита и денежного обращения И. Дымшица о погашении государственного долга страны во время проведения денежной реформы 1947 г. [13, с. 44; 14, с. 196].

В сберкассах в результате реформы остаток вкладов сократился на 3,6 млрд. руб., в том числе за счет вкладов от 3000 до 10000 руб. — на 1,4 млрд. руб. и за счет вкладов свыше 10000 руб. — на 2,2 млрд. руб.

В результате переоценки вкладов уменьшились крупные денежные накопления населения в сберегательных кассах и Госбанке; увеличился удельный вес небольших вкладов и, соответственно, понизился вес крупных вкладов [6]. Иными словами, переоценка вкладов дала доход казне в 3,6 млрд. руб.

Важным вопросом, связанным с итогами реформы, являются потери, которые понесло население в ходе обмена денег. Заявление советского руководства, что установленный порядок обмена “ударит, прежде всего, по спекулятивным элементам, накопившим крупные запасы денег и держащим их в “кубышках”, а “потери подавляющего большинства трудящихся будут кратковременны и незначительны”, не совсем соответствует действительности.

Дело в том, что основные сбережения населения были тогда в наличных деньгах. Поэтому многие высококвалифицированные рабочие, техническая интеллигенция, военнослужащие понесли определенный урон в ходе реформы. Потеряли свои скромные накопления и многие представители деревни, редко прибегавшие к услугам сберкасс.

Это подтверждает оперативная сводка республиканского Министерства финансов о результатах обмена населением денег в Беларуси, представленная секретарю ЦК ВКП(б) Н.И. Гусарову:

“...всего обменено старых денег 737 370 тыс. руб., в городах — 334 020 тыс. руб., сельской местности — 403 350 тыс. руб. Число лиц, менявших деньги: 812 485, из них 287 765 в городах, 524 720 — в сельской местности” [15, л. 223]. Таким образом, из явившихся в обменные пункты 65% составляли крестьяне, которые представили к обмену более половины всех платежных средств.

Непростым является вопрос, насколько государству удалось “отрезать” деньги “спекулятивных элементов” с помощью такого механизма, как денежная реформа, и изъять криминальный капитал. Напомним, что пропагандистская составляющая предстоявшей реформы делала акцент на необходимости конфискации избыточной части накоплений у лиц, нажившихся в период войны на спекуляции и иными незаконными путями. Но многочисленные документальные источники свидетельствуют, что эта задача оказалась весьма далекой от разрешения.

Готовящаяся в строгой тайне денежная реформа для многих теневых дельцов, коррумпированных чиновников, имевших значительные денежные накопления, не явилась неожиданностью. Главный организатор реформы А.Г. Зверев вспоминал: “Документы о реформе, разработанные заранее, своевременно разослали на места, до районных центров включительно, в адрес учреждений органов государственной безопасности специальными пакетами с надписью: “Вскрыть только по получении особого указания” [4, с. 234].

За 10 дней до начала реформы, т. е. уже 4 декабря, секретари горкомов и райкомов ВКП(б) получили распоряжение за номером 1009 СС (“Совершенно секретно”) о предстоящем заводе новых денежных знаков, а также о том, что председатели исполкомов городских и районных Советов лично отвечают за подготовку пунктов обмена денег и сохранность денежной наличности. Получается, что местные партийные и советские

руководители (до районных включительно) знали о предстоящем обмене как минимум за 10 дней до его начала. Через партийную и советскую номенклатуру информацию о реформе получили и приближенные к ней “нужные люди”, дельцы разных мастей.

А.Г. Зверев в докладной записке на имя заместителя министра внутренних дел И.А. Серова просил дать указания органам МВД “о вскрытии пакетов с материалами по денежному обращению 14 декабря 1947 г. в 14.00 по московскому времени” и о “вручении содержащихся в них конвертов по назначению — финорганам, учреждениям Государственного банка и сберегательным кассам в 15.00 того же дня”. Однако, как с горечью впоследствии отмечал министр, “у отдельных местных сотрудников любопытство перетянуло служебный долг. Пакеты были вскрыты раньше времени” [4, с. 234].

Кроме того, не следует забывать, что изготовление новых денежных знаков началось еще в 1946 г., и на фабриках Гознака, “несмотря на предпринимаемые усилия, требуемого уровня секретности производства достичь не удалось” [14, с. 234]. Можно представить масштабы утечки этой секретной информации еще на стадии изготовления банкнот. К тому же сюда следует добавить и доставку денег для готовящегося обмена во все регионы страны, которую нельзя было скрыть.

Поэтому возникает вопрос, а можно ли было удержать в глубокой тайне готовившуюся реформу? Ведь ее подготовка шла довольно длительное время, и сохранить в секрете такое масштабное мероприятие, как обмен денег, затрагивавшее интересы каждого гражданина огромной страны, было практически невозможно.

Министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов 30 ноября 1947 г. докладывал Сталину и Берии: “В Москве распространились слухи, что в ближайшие дни будет произведен обмен существующих денег на новые денежные знаки из расчета 10—12 копеек за 1 рубль, и что одновременно будут повышены цены на промышленные товары, отпускаемые по плановым ценам”. В связи с этим имел место массовый наплыв покупателей в магазины, торгующие промыш-

ленными и особенно ювелирными товарами [3, с. 389]. Подобная ситуация складывалась и в других крупных городах СССР.

С начала декабря 1947 г. в стране наблюдался усиленный приток вкладов в сберкассы: по сообщению министра финансов А.Г. Зверева, ежедневно поступало 150—200 млн. наличных денег, а общий приток вкладов составил 2—2,5 млрд. руб. Во всех регионах страны в первой половине декабря 1947 г. в городах выстраивались очереди желающих сдать свои “сбережения” на хранение в сберкассы в основном в крупных суммах. Глава финансового ведомства СССР в докладной записке на имя И.В. Сталина также сообщал, что сдающие деньги в сберкассы с начала декабря 1947 г. являются владельцами крупных накоплений, и предлагал вклады, внесенные в сберкассы после 1 декабря 1947 г., пересчитать как наличные деньги, то есть 1:10 [5, с. 190]. Любопытно, что подобного содержания телеграмма была отправлена 15 декабря в 18.00 “в Кремль — Сталину” и руководством Могилева: “Местные кубышники внесли сберкассам крупные суммы. Ходатайствуем об обмене этих сумм соответственно один десять”. Однако это логичное с точки зрения официально объявленной конфискации капиталов “спекулятивных элементов” предложение не нашло поддержки.

Министерство финансов СССР 14 декабря дало указания сберегательным кассам прекратить в 15.00 всякие операции. Однако многими работниками банковской сферы этот приказ был нарушен. В архивных документах сохранилось множество фактов злоупотреблений, спекуляций, массовой скупки товаров, махинаций с облигациями государственных займов, перевода на сберегательные книжки огромных сумм, оформление вкладов задним числом, разукрупнение их на несколько мелких. В крупных городах были случаи, когда один человек имел несколько сотен сберегательных книжек [9, с. 251].

Не обошла эта волна и нашу республику. Как свидетельствуют архивные документы, здесь было установлено преждевременное вскрытие секретных пакетов в шести районах, а в Пинской области

“все пакеты вскрыли раньше установленного срока” [17, л. 6]. В итоге до и особенно после официального закрытия сберкасс началась активная деятельность местного руководства: внесение наличных денег во вклады, “вброс денег в банковскую систему через государственные организации” и др.

Наибольший резонанс получили злоупотребления в Глусской районной сберкассе Бобруйского района, которые были отмечены в приказе министра финансов БССР А.Ф. Куликова. Там секретарь райкома КП(б)Б Демельштейн 14 декабря после вскрытия пакета “предложил” заведующему сберкассой Стельмашенкову принять вклады деньгами старого образца от ответственных работников района и их родственников. “Используя в своих корыстных целях преждевременное рассекречивание государственной тайны, — отмечалось в приказе министра, — ряд лиц внесли свои наличные деньги во вклады, которых было принято 224098 руб. от 97 граждан, из них 71 новый вклад на сумму 162300 руб.” [18, л. 449]. Названная в документе сумма довольно внушительна, ведь в те годы средняя зарплата составляла 500—900 руб. в месяц.

Подобные нарушения “правил проведения реформы”, в которых прежде всего обвинили управляющих отделениями Госбанка и заведующих сберкассами, вскрытые уже в начале 1948 г., имели место в Березинском, Ляховичском, Ивацевичском, Ивьевском, Давид-Городокском и некоторых других районах БССР [19, л. 1].

За преступления, связанные с проведением денежной реформы, в СССР было привлечено к уголовной ответственности 19 551 человек, из них 10 784 работника торговых организаций, что составляет 55,2% к общему количеству, в том числе работников системы Министерства торговли — 4017, системы потребительской кооперации — 4129, работников торговли других систем — 2638. Среди них было 3466 директоров и заведующих торговыми учреждениями и их заместителей. В банковских учреждениях и сберегательных кассах было привлечено к уголовной ответственности 3475 человек — 17,8% к общему количеству, в том числе 2572 работника сберегатель-

ных касс и 903 — отделений Госбанка. В порядке возмещения ущерба государству было возвращено более 160 млн. руб. [3, с. 427, 428]. Осужденных на небольшие сроки и отправленных в места “не столь отдаленные” назвали тогда “декабристами”.

При всем этом необходимо отметить, что реформа 1947 г. укрепила денежное хозяйство, повысила значение всех функций денег. Быстро пошел процесс денатурализации экономических отношений. Отмена карточной системы постепенно способствовала введению свободной торговли товарами народного потребления, утверждению основной формы распределения продуктов в соответствии с количеством и качеством труда.

Поэтому нельзя согласиться с мнением, что “реформа стала рычагом выкачивания средств из населения и носила откровенно грабительский характер”. Также нельзя рассматривать экономические ме-

роприятия конца 1947 г. с позиции сегодняшнего дня. Надо представлять тяжелейшее время послевоенной разлуки и объективную необходимость денежной реформы, а также то, что ее проведение требовало определенных жертв.

Уместно вспомнить аналогичную реформу 1948 г. в Западной Германии, которая была проведена на более жестких условиях, других стран Западной и Восточной Европы, где также был использован механизм конфискации для ликвидации “денежного навеса” [7, с. 171—173].

Однако стабилизации советской валюты в значительной мере благоприятствовали и общеэкономические меры: конверсия военного производства, постепенное восстановление народного хозяйства, увеличение выпуска товаров народного потребления.

Кроме того, укреплению рубля способствовали и жесткие административные методы: повышение

налогов, обязательность внутренних послевоенных займов. В определенной степени финансовое оздоровление было достигнуто и за счет сокращения государственных расходов (в первую очередь военных) при существенном увеличении доходов. Рост доходов в небольшой степени обеспечивался системой внеэкономического принуждения, которую представляли как полукрепостническая послевоенная деревня, так и принудительный труд заключенных.

Реформа 1947 г. показала, что, проводя антиинфляционную политику, государство вынуждено идти на социально жесткие, непопулярные меры. Ведь насыщение потребительского рынка в послевоенные годы обеспечивалось низким платежеспособным спросом населения, обусловленным невысокой заработной платой, неэквивалентным обменом города и деревни, из которой выкачивались огромные средства.

Источники:

1. История Второй мировой войны. 1939—1945. В 12 томах. — М., 1982. Т. 12.
2. Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия. — М., 1985.
3. Денежная реформа в СССР 1947 года: документы и материалы / Министерство культуры Российской Федерации [и др.; составление и комментарии: Л.Н. Доброхотов и др.; автор предисловия Л.Н. Доброхотов]. — М., 2010.
4. Зверев, А.Г. Записки министра. — М., 1973.
5. Пушкарев, В.С. Денежная реформа 1947 г. и “черный” рынок // Денежные реформы в России: история и современность: сборник статей / Федеральное архивное агентство, Российский государственный архив экономики [редколлегия: Е.А.Тюрина (ответственный редактор) и др.]. — М., 2004.
6. Павловский, О. Денежная реформа 1947 года в СССР [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com>. — Дата доступа: 26.12.2012.
7. Бокарев, Ю.Л. Денежная реформа 1947 г. в СССР и конфискационные денежные реформы в Европе 1944—1948 гг. // Денежные реформы в России: история и современность: сборник статей / Федеральное архивное агентство, Российский государственный архив экономики [редколлегия: Е.А.Тюрина (ответственный редактор) и др.]. — М., 2004.
8. Экономика Белоруссии в период послевоенного возрождения. — Мн., 1988.
9. Аксенов, Ю., Улюкаев, А. О простых решениях непростых проблем. Денежная реформа 1947 г. // Коммунист. — 1990. — № 6.
10. Очерки по истории родных мест. Денежная реформа 1947 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sites.google.com/site/ocerkipoistoriirodnyhmest/deneznaa-reforma-1947-goda>. — Дата доступа: 26.12.2012.
11. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары. 14 декабря 1947 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — М., 1968. Т. 3.
12. Улитенок, Г. Денежная реформа далась дорогой ценой // Советская Белоруссия. — 20 декабря 2012 г.
13. Попов, В.П. Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1946—1953) / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. — М., 2002.
14. Исакова, Е.В. История денежных реформ в документах РГАЭ // Денежные реформы в России: история и современность: сборник статей / Федеральное архивное агентство, Российский государственный архив экономики [редколлегия: Е.А.Тюрина (ответственный редактор) и др.]. — М., 2004.
15. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4р. Оп. 29. Д. 605.
16. Ходяков, М.В. Люди и деньги: денежная реформа 1947 г. и деятельность Ленинградской бумажной фабрики Гознак // Новейшая история России / Modern history of Russia. — 2011. — № 1.
17. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 781.
18. НАРБ. Ф. 93. Оп. 9. Д. 27.
19. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 781.